Я ПОЛУЧИЛ СООБЩЕНИЕ ОТ СЕБЯ

Станислав Оушен

Я получил сообщение от себя

«Автор»
2026

Оушен С.

Я получил сообщение от себя / С. Оушен — «Автор», 2026

Никита получает сообщение с собственного номера: «Не езжай сегодня по Южному мосту». Он выбирает объезд и вскоре понимает, что никакой аварии не было. Следующие сообщения знают о нём то, что давно должно было остаться в прошлом. Подозрения возвращают Никиту к увольнению пятилетней давности. Он пытается найти отправителя, но самое трудное — объяснить жене, почему он столько лет скрывал правду. И решить, кому можно доверять, когда даже собственный телефон говорит чужим голосом.

© Оушен С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мост 5
Глава 2. Пять лет назад 6
Глава 3. Пустой архив 9
Глава 4. Два круассана 10
Глава 5. Черновики 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Станислав Оушен
Я получил сообщение от себя

Глава 1. Мост

«Не езжай сегодня по Южному мосту. В 18:40 там случится авария».

Отправителем был я.

Моё имя и фотография стояли над сообщением, как будто я открыл переписку с самим собой. На часах в машине было 18:29. Я остановился у светофора и проверил номер: последние четыре цифры совпадали с моими.

Дочь на заднем сиденье попросила включить сказку.

— Пап, мы опаздываем?

— Нет, — сказал я и выключил звук навигатора.

Мы ехали на выступление в музыкальную школу. Восемь минут по мосту или двадцать две в объезд.

Мы с Аней спорили из-за этой поездки с самого утра. Она просила меня забрать Соню с занятий заранее: ребёнку нужно было размяться перед концертом. Я обещал, затем застрял на встрече и выскочил из офиса в последнюю минуту. Дочь сидела с футляром на коленях, застёгивала его и расстёгивала, будто от этого зависело выступление.

— Мама придёт? — спросила она.

— Придёт. Она уже там.

— Ты тоже будешь смотреть?

— Конечно.

Соня опять расстёгивала футляр. Три дня она просила прийти вовремя, и я уже успел один раз пообещать лишнее. На мосту мы сэкономили бы четырнадцать минут. Я почти нажал на газ, но посмотрел на сообщение и представил, как потом стану объяснять Ане, что видел предупреждение и всё равно поехал. Свернул я резко; Соня сердито прижала футляр к груди.

Я свернул с привычного маршрута.

К началу концерта мы прибыли запыхавшиеся. Дочь успела подняться на сцену, даже улыбнулась мне. Пока она играла, я следил за городскими новостями. На Южном мосту не было ни аварии, ни затора. В 18:40 камеры показывали свободный поток.

После концерта я проверил новости ещё раз. Аварии не было. Соня показывала Ане, где у неё дрожали пальцы на сложном месте, а я стоял в коридоре с телефоном и не слушал. Когда дочь позвала меня, пришлось попросить её повторить всё сначала.

Уже после концерта пришло второе сообщение.

«Ты всё равно выбрал объезд. Именно на это я рассчитывал».

Под ним стояла подпись: «Никита из четверга».

Так я когда-то подписывал черновики, которые никто, кроме меня, не видел.

Глава 2. Пять лет назад

Я работал инженером по информационной безопасности в небольшой компании. Мои обязанности были прозаичными: разбирать инциденты, объяснять сотрудникам, почему нельзя пересылать пароли, составлять правила, которых потом никто не читал. Поэтому первым делом я не искал в сообщениях сверхъестественного смысла.

Я сделал снимки экрана, сохранил сведения об отправителе, проверил историю входов в аккаунты. Номер в интерфейсе мог быть подменён; совпадение фотографии тоже ничего не доказывало. Но фраза «Никита из четверга» не была публичной. В студенческие годы я каждую неделю отправлял себе письма с планами на следующий четверг. Такой смешной способ не жить только до пятницы.

Показывать сообщения Ане я не собирался. Соня уснула на диване с футляром в обнимку. Аня укрыла её и спросила, почему мы приехали через полгорода. «Навигатор показал пробку», — сказал я. Аня кивнула, но тарелку убрала со стола громче обычного.

За ужином мы поговорили о бензине и школьной форме. Про мост — ни слова. Я видел, как Аня ждёт, и с каждым её взглядом мне становилось труднее открыть рот.

— На мосту ничего не было, — сказала Аня. — Я проверила. Ты мог просто сказать, что испугался.

И тогда я достал телефон. Она прочла сообщение, не перебивая. Я ждал смеха или злости. Вместо этого услышал:

— Что ещё мне нужно знать?

— Больше ничего, — начал я. Аня отвернулась к раковине. — Подожди, — сказал я. — Не уверен.

— Ты кому-то рассказывал об этом? — спросила Аня.

— Не помню. Может быть, Максу.

Максим был моим бывшим коллегой. Пять лет назад мы вместе работали в сервисе электронных архивов. Разошлись плохо, по существу не договорив, что именно произошло.

— Ты всё время говоришь «не помню», когда речь заходит о той работе, — заметила Аня.

Я хотел возразить, но вспомнил, как захлопывал ноутбук всякий раз, когда Аня входила в комнату. Память тут была ни при чём.

* * *

На школьном концерте Соня сыграла пьесу с ошибкой. Я узнал это только дома, когда Аня поставила запись. На сцене дочь смотрела на клавиши так сосредоточенно, будто пыталась удержать на них весь зал. В середине сбилась, остановилась на полсекунды и продолжила. В записи было слышно, как кто-то в первом ряду закашлялся.

— Вот, — сказала Соня. — Здесь я промахнулась.

Я посмотрел на неё.

— Ничего страшного, многие не заметили.

— Я заметила, — ответила дочь.

Она аккуратно закрыла футляр и ушла мыть руки. Аня выключила видео.

— Ты хотя бы видел, как она играла?

— Конечно видел.

— А когда она остановилась?

Я не ответил. Аня кивнула, хотя кивать было нечему.

Вечером Соня попросила меня послушать, как она разучила трудный кусок ещё раз. Я сел на ковёр рядом с пианино. Она начала сначала, хотя я сказал, что можно с того места. На третьем такте зазвонил мой телефон. Я перевернул его экраном вниз. Соня перестала играть.

— Опять работа?

— Нет.

— Тогда почему ты туда смотришь?

Я убрал телефон в ящик. Дочь провела пальцем по клавишам, проверяя звук, и начала вновь. Она сыграла всё до конца без ошибки. Я хлопнул слишком громко, и она покраснела.

После ужина я спросил Аню, что она сделала бы, получив сообщение со своего номера. Она сначала решила, что я пытаюсь пошутить.

— Позвонила бы тебе, — сказала она. — Чтобы ты посмотрел, что с телефоном.

— А если номер не мой?

— Тогда тем более. Только я бы сначала спросила, откуда у человека мой адрес.

Я едва не рассказал ей о втором сообщении. Остановило не желание защитить, а страх выглядеть глупо. Никогда не думал, что после пяти лет брака мне окажется труднее признаться в испуге, чем в ошибке на работе.

Перед сном Соня принесла листок с нарисованным мостом. На мосту ехала красная машина, а под ним плавали рыбы размером с лодку.

— Это мы? — спросил я.

— Нет. Ты сегодня туда не поехал, забыл?

Я хотел спросить, помнит ли она мой резкий поворот, но дочь уже подбежала к матери с рисунком. Слушая их разговор из коридора, я понял, что мост стал событием нашей семьи независимо от того, было на нём происшествие или нет.

* * *

Ночью Аня повернулась ко мне и спросила, не собираюсь ли я заболеть. Я долго лежал без сна, ворочался, выходил на кухню. Она не спрашивала больше, что со мной, но я чувствовал, что она слышит каждый мой шаг.

Утром я поехал к Южному мосту сам. Не потому, что рассчитывал увидеть последствия аварии. Мне нужно было убедиться, что дорога существует отдельно от сообщения в телефоне. Машины ехали ровным потоком, над рекой висел сырой туман. На противоположной стороне рабочие меняли дорожный знак, двое велосипедистов спорили у съезда.

Я остановился у заправки и купил кофе. Продавец спросил, нужен ли чек. Я машинально сказал «да», хотя никогда не беру. На чеке было время 08:37. Я сфотографировал его, затем разозлился на себя: теперь даже покупка кофе выглядела как попытка оставить доказательство, что я был здесь.

В машине я набрал номер Максима. Мы не разговаривали больше года. Раньше он отвечал сразу, на громкой связи, и успевал одновременно ругаться с парковочным автоматом. Сегодня телефон долго гудел. Я сбросил, не оставив сообщения.

Через двадцать минут Максим перезвонил.

— Живой? — спросил он.

— Похоже.

— Это что за приветствие?

Я сказал, что ищу старые документы. Он помолчал. Спросил, какие именно. Я назвал журнал изменений за май. Максим выругался так тихо, что я едва расслышал.

— Ты опять к этому вернулся?

— Мне кое-что пришло.

— На работу приезжай. Не в мессенджере.

Он отключился. Я остался сидеть на парковке. Через лобовое стекло видел мужчину, который тщетно пытался открыть крышку бачка омывателя. Сначала он толкал, потом потянул на себя — крышка легко поддалась. Мне захотелось спросить, почему я до сих пор считаю любой закрытый файл угрозой.

Дома Аня нашла чек в кармане куртки. Увидела адрес заправки возле моста и спросила, зачем я ездил туда утром.

— Хотел проверить дорогу, — ответил я.

— Один?

— Да.

Она положила чек на стол. Не кричала, не требовала объяснений. От этого мне стало только тяжелее.

— Никита, я вчера весь вечер искала тебя глазами на концерте. Ты стоял рядом, но всё время был не здесь.

Я хотел обнять её, она отступила к раковине. Между нами было два шага, а я не знал, как их пройти, не соврав ещё раз.

В четверг утром я открыл старый почтовый ящик. Там лежали сотни писем самому себе. Последнее датировалось днём увольнения и начиналось словами: «Если ты всё-таки откроешь это, проверь журнал изменений за май».

В журнале были фамилии людей, которым якобы отправили согласия на обработку персональных данных. Я помнил, что тогда возражал против автоматического переноса. Не помнил, чем закончился спор.

Из соседней комнаты Аня позвала завтракать. На экране появилось третье сообщение: «Сегодня в 11:20 Максим скажет, что архив удалён». Я посмотрел на часы. Было 11:19.

Глава 3. Пустой архив

Максим позвонил почти сразу.

— Ник, я нашёл твой запрос, — сказал он без приветствия. — Сразу говорю: того архива больше нет. После переезда всё удалили.

Я ничего не ответил. Знакомая интонация — быстрая, уверенная — вдруг стала неприятной.

— Ты что, слушаешь?

— Слушаю. Откуда ты знаешь о запросе? Я тебе не писал.

— Из техподдержки переслали. Ты же вчера пытался войти.

Я не пытался. По крайней мере, не через корпоративный аккаунт.

Максим предложил встретиться. Я согласился на кафе у офиса и включил запись разговора на своём телефоне, предупредив его об этом.

Перед встречей я зашёл в то самое здание, где работал пять лет назад. На первом этаже вместо аптеки теперь была пекарня. Девушка за прилавком спросила, какой хлеб я хочу, и я не смог выбрать. Когда-то здесь мы с Максимом каждую пятницу брали один и тот же пересушенный круассан и обсуждали, как исправим весь интернет, как только руководство перестанет нам мешать.

У пекарни я вспомнил, как Максим однажды приехал на работу ночью, хотя у него болел сын. Мы ели холодную лапшу под столом и боялись разбудить охранника. Теперь я не мог решить, за что на него злюсь больше: за тогдашнюю подпись или за то, что и хорошее про него помнил.

В кафе Максим сразу поднялся навстречу. Мы протянули руки и оба передумали обниматься. Он заметил мой телефон.

— Записывай, — сказал он. — Может, хоть теперь разберёмся, кто что сказал.

Я включил запись. В тот раз, пять лет назад, мы после ссоры оба пересказывали друг другу совершенно разные разговоры. Максим заметил диктофон и отодвинул стакан.

— Почему ты не вышел в ту ночь? — спросил я.

Он покрутил крышку стакана.

— Ты опять об этом.

Пять лет назад наша система отправила неверное уведомление сотням клиентов. Компания уверяла, что произошёл технический сбой. Я нашёл в журнале признаки ручной правки. Руководитель попросил меня подписать заключение об отсутствии вмешательства. Я отказался. В ту же неделю меня перевели на другую задачу, а Максим подписал документ вместо меня.

— Архив удалили, потому что так положено, — сказал он. — Не из-за тебя.

— Тогда кто присылает мне сообщения из того времени?

Он впервые поднял глаза.

— Какие сообщения?

Я показал экран. Максим побледнел, но не так, как человек, пойманный на лжи. Скорее как тот, кто только что увидел свою фамилию в чужом письме.

— Старые напоминания ты писал сам, — сказал он. — Я узнаю этот шаблон. Но сообщения про мост в наших тестах не было. Мы вообще не работали с маршрутами. Кто-то взял твои слова и придумал новый повод напугать тебя.

Я помнил. Мы использовали его, чтобы отправлять себе напоминания о рабочих проверках. Но тестовый контур закрыли до моего увольнения.

— А остальные?

— Вот этого я и боюсь, — ответил Максим.

Глава 4. Два круассана

После встречи Максим пошёл со мной к выходу. Мы оба торопились, но никто не называл причину. Возле пекарни он остановился и купил два пересушенных круассана. Так мы делали пять лет назад, когда дежурили по ночам. Один протянул мне.

— Серьёзно? — спросил я.

— Не придумал, чем ещё извиниться.

— Ты ведь не извинился.

— Значит, тем более не придумал.

Мы сели на скамейку под навесом. Максим пытался отломить кусок, и крошки падали на куртку. Он рассказал, что после моего увольнения ещё год работал в прежней команде. Потом ушёл, потому что руководство требовало всё больше отчётов и всё меньше проверок. Я спросил, почему он не сказал об этом раньше.

— А ты спрашивал? — ответил он.

Я вспомнил наши редкие встречи: всегда говорил о старом инциденте, не интересовался его жизнью. Максим рассказал про сына, который теперь ходит в пятый класс и собирает модели поездов. В ту ночь, когда мы спорили о журнале, мальчик лежал в больнице с высокой температурой. Я знал про болезнь, но не знал, что Максим остался на работе только потому, что начальник угрожал сократить его отдел.

— Это не оправдание, — сказал он.

— Я ничего не говорил.

— У тебя лицо такое, будто собираешься.

Я не стал возражать. Когда мы расходились, Максим попросил не звонить ему на рабочий номер после девяти. Сказал, что дома у них договорились убирать телефоны в ящик до утра. Я кивнул. Подобный договор с Аней мы когда-то тоже заключали. Продержались два дня.

* * *

На парковке я набрал Аню. Хотел рассказать, что разговаривал с Максимом, прежде чем она узнает из очередного случайного сообщения. Аня не ответила. Через минуту написала: «У Сони репетиция. Перезвоню». Я уставился на экран. Самое неприятное было не ожидание, а то, как быстро я решил, будто она нарочно избегает меня.

В машине лежал старый бумажный ежедневник. Я нашёл страницу пятилетней давности. Тогда в этот день у нас с Аней был назначен визит к врачу. Я не пришёл. Вечером отправил ей сообщение: «Не успел, закрывали инцидент». Она ответила одним словом: «Ясно».

Я помнил этот день как момент, когда спас важную систему от повреждения. Для неё, возможно, это был день, когда пришлось сидеть в коридоре одной. Я позвонил ещё раз и сбросил до соединения.

Когда Аня наконец перезвонила, голос у неё был усталый.

— Ты нашёл что-то?

— Да. И нет. Есть старые черновики, Максим знает часть, но не все сообщения.

— Никит, я спрашивала, нашёл ли ты доказательство, что нам угрожают сейчас.

— Пока нет.

— Тогда приезжай. Соня хочет проверить ноты перед завтрашним уроком, а я должна забрать заказ.

Я хотел объяснить, что не могу просто переключиться на уроки. Но Аня сказала: «Я знаю, что ты боишься. Мы тоже здесь живём». Я приехал.

Дома дочь заставила меня дважды прослушать пьесу. Она сбивалась в одном и том же месте и злилась на себя. Я показал, как разбить трудный кусок на три коротких такта, и она вдруг рассмеялась:

— Ты разговариваешь с пианино как с компьютером!

— Оно хотя бы не присылает сообщений, — сказал я и тут же пожалел.

Аня посмотрела на меня. Соня ничего не заметила, снова нажала клавиши. Я пообещал себе не приносить страх в каждый разговор. К концу вечера понял, что одних обещаний недостаточно.

* * *

В машине я открыл старую корпоративную переписку, которую сохранил перед увольнением. Среди писем нашлось приглашение на встречу с подрядчиком. Логотип состоял из двух переплетённых прямоугольников, под ними стояло слово «Форма». Внизу мелкими буквами было написано «архивные решения». Я вспомнил, что тогда не пришёл на презентацию: был занят восстановлением сервера, а потом решил, что техническая документация мне не нужна.

Я попытался открыть приложение к письму. Ссылка давно не работала. Сохранился только текст приглашения и список участников. Среди имён был Максим. Я написал ему, что нашёл документ, и попросил проверить, есть ли у него копия. Он ответил: «Не пересылай наружу. Сначала узнаю, можно ли вообще это показывать».

Раньше такая осторожность показалась бы мне признаком соучастия. Теперь я сам работал в безопасности и понимал, почему нельзя отправлять чужую переписку без проверки. Впрочем, понимание не облегчало ожидание. Я несколько раз открывал чат, будто от этого ответ мог прийти быстрее.

Вечером Аня спросила, почему я снова не поел. Я показал ей приглашение, объяснил, что пока не знаю, имеет ли оно отношение к сегодняшним сообщениям. Она прочла и сказала:

— А теперь закрой это хотя бы на полчаса. Соня рисует тебе открытку. Не хочу, чтобы она потом думала, будто тоже должна писать письма из прошлого, чтобы ты обратил внимание.

Я закрыл ноутбук. Открытка оказалась кривой, с огромной зелёной собакой посередине. На обороте дочь написала: «Папе за то, что слушал». Я поставил её на полку возле роутера. Она осталась там даже тогда, когда я снова вернулся к документам.

Глава 5. Черновики

Вечером я достал из шкафа старый ноутбук. Он не включался два года, аккумулятор давно умер. После зарядки система потребовала пароль. Варианты, которые я помнил, не подошли. Я остановился, прежде чем запереть устройство окончательно, и нашёл записанную в блокноте подсказку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.